

В счастливый предзнаменованием день восемь новых госпож официально вступили в гарем. Один за другим небольшие паланкины с зелёным пологом проезжали через тяжёлые дворцовые ворота, доставляя их в разные уголки этого квадратного поднебесья, а также на арену полную коварства и интриг.

Павильон Разбитой Яшмы, как и говорила Императрица, оказался отдалённым и безлюдным.

Когда Чжэнь Хуань вместе со своими ближайшими служанками Лю Чжу и Хуань Би поселилась там, она ощутила лишь глубину двора, высоту вековых деревьев и пронизывающее чувство одиночества, от которого невозможно было избавиться. Сердце её похолодело: она хорошо понимала, что из-за своей внешности стала мишенью для всех. Императрица, поселив её здесь, внешне проявила заботу, на деле же — отставила её в сторону от бурных событий, но это могло быть и ссылкой, и проверкой в ином смысле.

Уклоняться от благосклонности? Она не осмелилась. Притворяться больной? Это было бы верной смертью. Теперь оставалось лишь быть осторожной до мелочей, шаг за шагом выстраивая линию поведения, чтобы выжить в этом логове тигров и волков. Она приказала дворцовой прислуге наглухо закрыть двери и без её зова не выходить наружу, решив уподобиться бамбуковому ростку, ещё не пробившему землю, — временно укрыть свои таланты.

Ань Линжун же императрица намеренно поселила во флигель Дворца Яньси, находившегося не слишком далеко от Дворца Цзинжэнь. Хотя это было не главное здание, дворик был чист, вещи в наличии, условия даже немного лучше, чем у другой даин, поселившейся вместе с ней.

Что ещё более важно, это отделяло её от Шэнь Мэйчжуань и Чжэнь Хуань, которые тоже привлекали всеобщее внимание и происходили из знатных семей, что позволяло избежать втягивания в центр интриг на начальном этапе.

Служащие Внутренней придворной управы, учитывая, что Императрица лично интересовалась этим делом, не осмеливались слишком пренебрегать ею. Всё это заставляло Ань Линжун испытывать глубочайшую благодарность к той, кто была матерью Поднебесной, — доброй и нежной госпоже Императрице.

Беспомощность и страх, охватившие её после вступления в гарем, казалось, нашли опору в этой маленькой защите. Мысль о том, чтобы приблизиться к Императрице, становилась в её сердце всё более крепкой.

Шэнь Мэйчжуань, опираясь на своё происхождение и величественную сдержанность, удостоилась титула драгоценной особы и поселилась во Дворце Сяньфу. Всё в ней дышало спокойствием и достоинством, однако в глубине глаз таились и осторожность, и честолюбие, свойственные только что вступившей в гарем.

На третий день после прибытия новых госпож, по правилам, все вместе должны были отправиться во Дворец Цзинжэнь, чтобы выразить благодарность Императрице.

Наследная наложница Хуа, Нянь Шилань, в этот день прибыла особенно рано, облачённая в алые дворцовые одежды, расшитые золотыми пионами, окружённая жемчугами и бирюзой, ослепительно красивая и вызывающая. Казалось, она решила подавить всех новых госпож одной только своей статью. Она сидела ниже И Сю и, словно прожектором, скользила взглядом по лицам новеньких, особенно когда увидела потупившую взор Чжэнь Хуань, — в ноздрях у неё послышался едва уловимый фырк.

И Сю, как обычно, имела величественный и мягкий вид, приняла от новых госпож большой поклон, произнесла несколько дежурных фраз — «служите с усердием», «скорее подарите императорской семье потомство» — награды тоже были розданы по стандарту, ни много ни мало, что выглядело весьма беспристрастно.

Когда все уже собрались удалиться, Нянь Шилань вдруг улыбнулась и заговорила, голос её был нежным, но в нём чувствовался неоспоримый острый край: «Госпожа Императрица воистину милосердна, проявляет такую заботу о каждой из младших сестёр. Только мне кажется, что некоторые сёстры, недавно прибывшие, возможно, не слишком хорошо знакомы со многими правилами. Особенно Чжэнь-даин...»

Она перевела взгляд на Чжэнь Хуань, улыбка её стала ещё ярче, но от неё веяло холодом: «Павильон Разбитой Яшмы — место удалённое. Если с прислужгой, которая за вами ходит, возникнут какие-то неудобства, Чжэнь-даин, вам следует говорить прямо, не стоит себя обижать. В конце концов... если это ваше личико обидится, боюсь, Император и Вдовствующая императрица будут огорчены».

Эти слова внешне звучали как забота, но в каждой фразе была колкость: указывала на удалённость жилища Чжэнь Хуань, намекала, что та добивается расположения своей внешностью, и, более того, оказывала давление, упоминая Императора и Вдовствующую императрицу.

Чжэнь Хуань испугалась в душе и поспешно поклонилась: «Наследная наложница Хуа, вы слишком строги. Павильон Разбитой Яшмы очень хорош, ваша наложница не смеет жаловаться ни на какую обиду».

И Сю равнодушно взглянула на Нянь Шилань, не стала её останавливать, и только когда та закончила, мягко вставила: «Наследная наложница Хуа права в своём напоминании. Павильон Разбитой Яшмы, конечно, более тихое место, но это также способствует воспитанию характера. Если у Чжэнь-даин действительно будет в чём-то нужда, пусть прямо доложит во Внутреннюю дворцовую управу. Я уже распорядилась, чтобы ни в чём из положенного не было недостатка». Она ловко парировала удар, подтвердив «заботу» Наследной наложницы Хуа, сохранила видимое беспристрастие и перевела вопрос на Внутреннюю придворную управу.

Нянь Шилань, словно ударив кулаком по вате, почувствовала ещё большее недовольство, но не могла найти, к чему придраться, и лишь с досадой замолчала.

Прошло ещё два дня. Ань Линжун, долго размышляя, наконец набралась смелости и, взяв с

собой собственноручно вышитый изысканный ароматический мешочек, отправилась во Дворец Цзинжэнь просить аудиенции у Императрицы, назвав это «выражением благодарности».

И Сю приняла её в боковом зале.

Ань Линжун опустилась на колени, подняв мешочек над головой, и голос её, слегка дрожа, был полон искренности: «С тех пор как ваша наложница вступила в гарем, она удостоилась многообразной заботы госпожи. Эта милость для меня словно второе рождение. Ваша наложница не в силах отплатить иначе, как только собственноручно вышила этот мешочек, положив в него успокаивающие травы. Я желаю госпоже крепкого здоровья и долгого счастья. Ваша наложница — человек ничтожный, но в будущем готова служить госпоже верой и правдой, исполнять любые ваши повеления!»

Её слова были прямыми, даже немного неуклюжими, но именно они соответствовали её робкому и отчаянно ищущему опору состоянию души.

И Сю знаком велела Цзянь Цю принять мешочек, сама поднялась и помогла Ань Линжун встать. Голос её, как всегда, был мягок: «Встань скорее. То, что у тебя есть такое чувство, меня очень радует. В этом дворце лучшее, чем ты можешь отплатить, — это вести себя смиренно, быть осторожной в словах и поступках». Она не приняла прямо предложение «служить», но и не отказала, лишь снова подчеркнула «смирение», словно это была обычная забота высшей о низшей.

Однако сам её жест — помочь Ань Линжун подняться и эти слова «меня очень радует» в ушах Ань Линжун прозвучали как величайшее признание и намёк.

Ань Линжун от волнения снова покраснела и принялась уверять: «Ваша наложница обязательно запомнит наставления госпожи! Обязательно будет вести себя смиренно!»

Проводив безмерно благодарную Ань Линжун, Цзянь Цю, глядя на искусно сделанный ароматический мешочек, тихо спросила: «Госпожа, эта Ань-даин...»

И Сю взяла мешочек, поднесла к носу, слегка вдохнула его аромат и бесстрастно произнесла: «Рукоделие неплохое, и мысли тонкие. Годится для использования».

Только вот как именно «использовать» — нужно было тщательно обдумать. Слишком торопливый нож, если использовать его умело, может ранить, а если не умело — легко поранить и себя.

Снова настал день поклонов. Когда церемония закончилась, наложницы разошлись группами по две-три.

Нянь Шилань была в подавленном настроении, ей не хотелось ни с кем общаться, и она в

одиночестве, в сопровождении Сун Чжи, направилась в уединённое место Императорского сада прогуляться и проветриться.

Но не успела она обогнуть искусственную гору, как вдруг увидела неподалёку: Императрица И Сю стояла под деревом сливы мэйхуа, задрала голову, разглядывая несколько только что распустившихся цветков на ветвях. А рядом с ней... стояла та самая робкая Ань Линжун!

Ань Линжун, отстав на полшага, что-то тихо говорила, вид у неё был почтительный и в то же время с трудом сдерживаемое волнение. И Сю, склонив голову, слушала, изредка кивая, на губах её играла лёгкая улыбка. Солнечный свет, просачиваясь сквозь ветви сливы, озарял эту картину, придавая ей какую-то... гармонию?

Нянь Шилань резко остановилась, рука, спрятанная в рукаве, мгновенно сжалась в кулак!

Императрица тайно принимает Ань Линжун? И улыбается ей так... нежно?

Поток горечи, смешанный с гневом, мгновенно вскипел в её сердце! Почему? Эта Ань Линжун, у которой нет ни знатного рода, ни смелости, почему она удостоилась благосклонного взгляда Императрицы? Только потому, что она достаточно жалка? Достаточно послушна?

А она сама? Она тревожилась за неё, сдерживала ради неё свой острый нрав, даже... даже начала придавать значение каждому её движению... И что же это всё значит?!

Она вдруг вспомнила ожерелье из медового янтаря, которое Императрица подарила Ань Линжун, вспомнила тот мимолётный взгляд «тоски» Императрицы по Чжэнь Хуань, а потом сравнила с собственным отношением Императрицы — то поучающим, то успокаивающим.

Чувство унижения, ощущение, что её водят за нос, ставят позади других, почти захлестнуло её. Она больше не могла на это смотреть, резко развернулась и почти бегом, словно спасаясь бегством, быстро удалилась.

Она не знала, что в тот миг, когда она повернулась, И Сю, стоявшая под сливой, краем глаза, словно невзначай, скользнула по тому месту, где она только что стояла. Улыбка на губах И Сю, казалось, стала чуть глубже, — в ней читались понимание и холодное удовольствие.

Рыбка снова клюнула на крючок.

<http://bllate.org/book/18894/1846957>